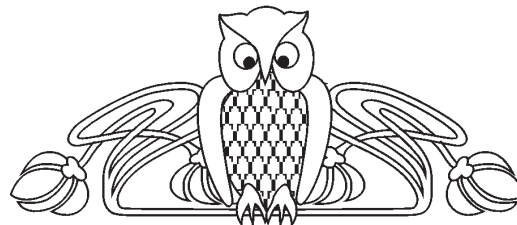

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 415–419
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 415–419
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-415-419>

Научная статья
УДК 101.1:316

Философские основания специфики социальных технологий в сфере социальной политики

О. В. Щетинина

Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 46

Щетинина Ольга Владимировна, аспирант кафедры философии, социологии и психологии управления, Imakarova.zsno@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8422-054X>

Аннотация. В статье рассматривается социально-философское содержание понятия «социальная политика», его отличие от понятия «политическая экономия». Анализируется специфика социальных технологий для социальной сферы общества. Делается различие понятия «труд», разработанное в трудах К. Маркса, и понятия «деятельность», которое рассматривается в трудах Л. А. Зеленова. В своем понимании природы человека автор опирается на философию «имени» А. Ф. Лосева, философию «идеального» Э. В. Ильенкова и философию «социально-исторической памяти» А. В. Дахина. Социальная политика определяется как деятельность человека, направленная на сохранение и развитие сущностных сил личности-и-общества, целостной формой идеального бытия которых является имя личности, общества, человека, а формами существования – конкретные знания, умения, убеждения, актуализированные в конкретной деятельности. Формулируется вывод, согласно которому, в отличие от распространенных в сфере материального производства «безлюдных» технологий, в области социальной политики востребованы алгоритмы деятельности сущностно иного качества – человекоемкие технологии. Основные сферы деятельности, где необходимо применение человекоемких технологий, – это педагогическая, медицинская, управленческая деятельность.

Ключевые слова: социальная политика, труд, деятельность, социальные технологии, человекоемкие технологии

Для цитирования: Щетинина О. В. Философские основания специфики социальных технологий в сфере социальной политики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 415–419. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-415-419>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Philosophical foundation of the peculiarities of social technologies in a social policy area

O. V. Shchetinina

Nizhegorodskiy Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economics and Public Administration, 46 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603950, Russia

Ol'ga V. Shchetinina, Imakarova.zsno@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8422-054X>

Abstract. Socio-philosophical content of the term “social policy”, its difference from the definition of “political economics” and also some features of technologies in a social area are described and analyzed in the article. The author distinguishes between the concepts of “labor” and “social labor activity” (*deiatel'nost'*). Using the concept of philosophy of a name developed by A. F. Losev, the definition of the “ideal” (“*ideal'noe*”) considered by E. V. Il'enkov, and A. V. Dakhin's definition of “socio-historical memory” the author gives the definition of social policy that is understood as social labor activity (*deiatel'nost'*) of a man. This definition is focused on the ideas of safety and the development of essential forces of a personality-and-society, which relates to a name of a personality, to a name of a social community, to a name of a man as the complete form of social being, that contains concrete knowledge, experience, attitudes etc. as forms of social existence. The author shows that some aspects of technologies analysis in the social area give reasons to conclude: as distinct from more popular deserted technologies of commodity industry, the social policy area is in need to use another type of algorithms of social labor activity, – these are people intensive (*chelovekoemkie*) technologies, the main peculiarities of which are described in the article. Main fields of social labor activity (*deiatel'nost'*) where people intensive technologies are reasonable to be used include pedagogical, medical, organizational ones etc.

Keywords: social policy, labor, social labor activity (*deiatel'nost'*), social technologies, people intensive (*chelovekoemkie*) technologies

For citation: Shchetinina O. V. Philosophical foundation of the peculiarities of social technologies in a social policy area. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 415–419 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-4-415-419>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Современная отечественная социальная политика активно изучается экономистами, историками, социологами, политологами, но мало исследуется как целостное явление социальной реальности, хотя в качестве предмета философских изысканий уже известна. Социальная политика рассматривается как «комплексное явление», как средство «внешнего» и «внутреннего» самоутверждения человека [1, с. 11–12]. Такие исследования недостаточно учитывают то актуальное обстоятельство, что «из жизни людей исчезают люди» [2, с. 19]. За этим обстоятельством стоят философские концепты, отрицающие наличие у общества (и человека) сущностных начал [3, с. 93–94], которые требуют критического осмысления.

Отечественная философия советского периода сохраняла сущностные основы социальной политики, потому что опиралась на положения о «ведущей роли экономических отношений» [4, с. 171–172]. Практическая основа советской социальной политики сводилась к задачам управления, где политическая власть первенствует над экономикой, а экономика играет ведущую роль в отношении социальной политики. Кроме того, идея «советского человека» имела в своей основе понятие «труд», которым определялась сущность человека в исторической ретроспективе [5]. Но эта философия не смогла дать достойного ответа на критику сторонников «открытого общества» (К. Поппер). В настоящее время сохраняется актуальность осмысления фундаментальных оснований социального бытия и существования человека и общества, а также социальной политики современного российского общества.

От «политической экономики» к «социальной политике»

Разработанные К. Марксом представления о сущностных силах человека (классового человека) как субъекта социального развития сводятся к тому, что они реализуются в «труде», подчинены капиталу, производственным отношениям системы материального производства, процессам обмена товарами. Сущностные силы человека овеществляются в результатах деятельности, имеющих форму «товара», а природа результата деятельности человека раскрывается через диалектику форм социального бытия «труда»: «труд» опредмечивается, с одной стороны, в форме наличного бытия («товар»), а с другой – в форме эквивалентного бытия («стоимость») [6, с. 56–80]. Последующие исследования показали: а) форма социального эквивалентного бытия в своей основе содержит идеальное сущностное

начало человека [7, с. 176–177], проявлениями которого выступают индивидуальное и коллективное сознание, духовность, идеалы и т.д., а «стоимость» – лишь частный случай формы бытия «идеального»; б) онтология понятия «эквивалентное бытие» раскрывает связь бытия предшествующего труда с природой памяти [8, с. 67–89]; в) структурное содержание идеальных сущностных начал человека раскрывается через понятие «коллективная социально-историческая память» [9]. В свете этого подхода появляется возможность по-новому и более целостно подойти к пониманию результатов деятельности человека в аспекте социального бытия и существования его сущностных сил, а также к пониманию специфики содержания социальной политики.

Понятие «социальная политика» рассматривается в качестве диалектического контрапункта по отношению к понятию «политическая экономика», в основу которого заложена диалектика «идеального» и «материального» бытия и существования человека. Применительно к социальной сфере жизни общества мы делаем акцент на том, что результатом деятельности людей является не только материальный «товар» (или «услуга»), но и идеальные качества «человека» (духовные, душевные, когнитивные, психологические, физические и пр.), сохранение и развитие которых определяются понятием «социальная политика». Основным результатом социальной политики выступает человек в его целостности, что определяется понятием «личность» [10, с. 83–112; 11]. В этом качестве личность представляет собой бытие свершившейся деятельности. Наличная форма этого бытия представлена в физических свойствах личности (здоровье, физическая форма, психика и т.д.), а эквивалентная – в идеальных свойствах личности, содержательное наполнение которых опирается на структуры коллективной социально-исторической памяти, идентичности, в том числе коллективного и индивидуального имени. Существование названных сущностных свойств личности обеспечено постоянным обращением к человеческой деятельности, которая представляет собой непрерывное отрицание предметов деятельности и их «снятие в идеальных формах» [7, с. 180]. С учетом проработанного в литературе вопроса о связи философии деятельности Л. А. Зеленова, философии «имени» А. Ф. Лосева и концепции «идеального» Э. В. Ильенкова [12] можно заключить, что «идеальная форма деятельности», о которой говорил Э. В. Ильенков, – это внутреннее содержание, имя живой

человеческой личности (имя и индивидуальное, и коллективное), в своей основе опирающееся на структуры живой социально-исторической памяти, идентичности, целостности личности человека, в том числе его коллективного бытия и существования.

Таким образом, в философском аспекте социальную политику мы рассматриваем как деятельность человека, направленную на сохранение и развитие сущностных сил личности-и-общества, формами бытия которых выступают коллективная социально-историческая память и идентичность, а формами существования – конкретные прибавочные сущностные качества человека (знания, умения, убеждения [7, с. 110–111]), действующие в конкретной деятельности социальной сферы жизни общества. Согласно типологии деятельности Л. А. Зеленова [10, с. 208–217] социальная сфера жизни общества включает в себя педагогическую, медицинскую, художественную, научную, физкультурную и управленческую деятельность, поскольку во всех перечисленных ее видах основной результат – человек: человек социализированный, человек здоровый, человек творческий, человек знающий, человек физически развитый, человек самоорганизованный.

Социальные отношения

В свете представленного подхода меняется отношение к вопросам технологического прогресса. Философы начинают задаваться вопросом о совместимости тотальной глобализации «безлюдных технологий» и духовной жизни человека [13, с. 14]. В более общем плане речь идет, во-первых, о том, что существует запрос на технологии организации деятельности человека именно в качестве целостной личности, а не только как специализированной «рабочей силы». Онтология социального бытия-памяти позволяет раскрывать «личность» через человеческие сети живых социальных отношений, которые в философии социальной политики приобретают статус самостоятельного предмета деятельности государства-и-общества. Будучи элементами коллективного бытия «личности», живые социальные отношения выступают носителями социального доверия, социальной ответственности, социального взаимного понимания, социального диалога, духовного единства и других сущностных качеств коллективной личности. Действующая отечественная социальная политика сохраняет инерцию 1990-х гг., когда считалось, что названные социальные качества в обществе появятся автоматически как следствие

роста индивидуального благосостояния. Эти же идеи по умолчанию обосновывают и патерналистскую социальную политику: государство дает гражданину социальную поддержку, а в ответ у граждан появляются отношения доверия, понимания и пр. в отношении государства и друг друга. Рост числа больших и малых социальных конфликтов, социальных противоречий, социальной напряженности в отношениях различных социальных групп в России позволяет заключить, что по «остаточному принципу» формировать, развивать сети живых социальных отношений в обществе невозможно. Базис индивидуального материального благосостояния необходимо дополнять человекоемкими социальными технологиями, которые будут формировать коллективную личность России через целевые социальные отношения, в основе которых действуют структуры коллективной социально-исторической памяти и идентичности.

Переход общественного развития с приоритетов «безлюдных» технологий к приоритетам человекоемких технологий – одна из актуальных задач современной социальной политики России. Он предполагает своеобразный каскад переходов. Это переход от доминирующей роли субъекта потребления к доминирующей роли субъекта производства. Диалектика «потребление – производство», вошедшая в отечественную философскую традицию с идеями К. Маркса, в актуальной повестке социальной политики приобретает новое содержание. Она касается не «необходимого рабочего времени», а свободного времени человека, ресурсы которого находятся за пределами профессионального «труда» на предприятии. Особенность потребительского общества, тенденция глобальной популярности которого касается и России, видится в том, что за пределами «труда» люди переключаются на непрерывный процесс потребления, который имеет тенденцию поглощать все свободное время.

Перемена социального субъекта, которая отвечает сущностным приоритетам социальной политики, состоит в том, что в свободное от работы время человек стремится создавать те или иные индивидуальные или коллективные блага, как материальные, так и духовные. В рамках этого качественного перехода может быть выделено несколько промежуточных ступеней. Первая – это освоение роли социального субъекта, участвующего (вместе другими людьми) в создании конкретного общественно значимого результата деятельности. Например, участие гражданина в общественной очистке пляжа или русла реки от

мусора, участие в общественных слушаниях по благоустройству общественного пространства и пр. Вторая промежуточная переменная – это освоение роли социального субъекта, создающего систему деятельности для себя или(и) для сообщества людей. Эта субъектная роль предполагает, что человек собирает все необходимые компоненты деятельности (объект, средства, процесс, условия) и активизирует их в системе деятельности, выступая в качестве ее субъекта. Наконец, третья переменная – это освоение роли социального субъекта деятельности, нацеленной на производство, развитие сущностных сил как своей собственной личности, так и социальных сообществ разного охвата (от детей в собственной семье до соседских сообществ своего микрорайона или поселка и пр.). В этой связи речь идет не о «профессиональных компетенциях», а прежде всего о житейской мудрости (индивидуальная или коллективная мировоззренческая культура), о сохранении и приумножении багажа памяти индивидуальной и коллективной, о сбережении и обогащении идентичности индивидуальной и коллективной.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что задачам и приоритетам отечественной перспективной социальной политики отвечают социальные человекоемкие технологии, обеспечивающие непрерывное и устойчивое наследование, развитие живых социальных отношений между людьми, конечным результатом которых становится всестороннее и гармоничное развитие коллективной и индивидуальной личности человека, как в аспекте ее социального бытия, так и в аспекте ее социального существования. Глобальное значение первооткрывателей таких социальных технологий состоит в том, что они откроют людям алгоритмы отношений и социальных взаимодействий, предназначенных для создания прибавочных живых сущностных качеств живого человека, а также для передачи багажа таких качеств из поколения в поколение.

Список литературы

1. Демченко Е. Н. Социальная политика как объект философского анализа : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. 23 с.
2. Кутырев В. А. Унесенные прогрессом. Эсхатология жизни в техногенном мире. СПб. : Алетей, 2016. 300 с.
3. Луман Н. Общество как социальная система // Общество общества : в 5 кн. / пер. с нем. М. Антоновский. М. : Логос, 2011. Кн. 1. С. 15–201.
4. Социальное познание и управление / под ред. С. И. Попова, Б. И. Сюсюкалова. М. : Мысль, 1983. 288 с.
5. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Политиздат, 1961. Т. 21. С. 23–178.
6. Маркс К. Капитал. Кн. 1. Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М. : Политиздат, 1970. Т. 23. 907 с.
7. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М. : Политиздат, 1984. 320 с.
8. Дахин А. В. Формационное самоопределение универсума. Ч. 1 : Природный мир. Н. Новгород : Нижегородский архитектурно-строительный институт, 1992. 107 с.
9. Дахин А. В. Общественное развитие и вызовы коллективной памяти : перспективы философской концептуализации *memory studies* // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 42–44.
10. Зеленов Л. А. Антропология // Зеленов Л. А. Собрание соч. : в 4 т. Н. Новгород : Гладкова О. В., 2006. Т. 3. 244 с.
11. Ильенков Э. В. Что же такое личность? // С чего начинается личность? / под общ. ред. Р. И. Косолапова. М. : Политиздат, 1983. С. 319–358.
12. Дахин А. В. Феноменология универсальности в культуре. Н. Новгород : Издательство Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, 1995. 148 с.
13. Байчунь Ч. Китай и Россия : философский диалог / науч. ред. А. С. Запесоцкий. СПб. : Издательство Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2019. 37 с.

References

1. Demchenko E. N. *A Social Policy as the Object of Philosophical Analysis*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philos.) Moscow, 2008. 23 p. (in Russian).
2. Kutyriov V. A. *Unesennye progressom. Eschatologia zhizni v tekhnogennom mire* [Gone with the Progress. Eschatology of Vitality in the Technogenic World]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2016. 300 p. (in Russian).
3. Luhmann N. *Obshchestvo kak sotcial'naia Sistema* [Society as the Social System]. In: *Obshchestvo obshchestva* [The Society of Society: in 5 books. Trans. from Germ. by M. Antonovskiy]. Moscow, Logos Publ., 2011, book 1, pp. 15–201 (in Russian).
4. S. I. Popov, B. I. Susukalov, eds. *Sotcial'noe poznanie i upravlenie* [Social Knowledge and Management]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 288 p. (in Russian).
5. Engels F. *The Origin of the Family, Private Property and the State*. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Writings]. 2nd ed. Moscow, Politizdat, 1961, vol. 21, pp. 23–178 (in Russian).

6. Marx K. The Capital. Book 1. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Writings]. 2nd ed. Moscow, Politizdat, 1970, vol. 23. 907 p. (in Russian).
7. Il'enkov E. V. *Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii* [The Dialectical Logics. Issues on History and Theory]. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1984. 320 p. (in Russian).
8. Dakhin A. V. *Formatcionnoe samoopredelenie universuma. Ch.1. Prirody mir* [Formational Self-limitation of the Universe. Part 1. The Natural World]. Nizhniy Novgorod, Nizhegorodskiy arkhitekturno-stroitel'nyi institut Publ., 1992. 107 p. (in Russian).
9. Dakhin A. V. Public development and challenges of collective memory: Prospects of philosophical conceptualization of memory studies. *Voprosy filosofii*, 2010, no. 8, pp. 42–44 (in Russian).
10. Zelenov L. A. Anthroponomy. In: Zelenov L. A. *Collection of Works: in 4 vols.* Nizhniy Novgorod, Gladkova O. V. Publ., 2006, vol. 3. 244 p. (in Russian).
11. Il'enkov E. V. What is a Personality? In: R. I. Kosolapov, total ed. *Skhemo nachinaet li lichnost'?* [Where Does a Personality Start From?]. Moscow, Politizdat Publ., 1983, pp. 319–358 (in Russian).
12. Dakhin A. V. *Fenomenologia universal'nosti v kul'ture* [Phenomenology of Universality in Culture]. Nizhniy Novgorod, Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, 1995. 148 p. (in Russian).
13. Baichun Ch. *Kitai i Rossia: filosofskiy dialog* [China and Russia: Philosophical Dialog]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Petersburgskogo gumanitarnogo universiteta profsoyuzov, 2019. 37 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 08.07.2021, после рецензирования 11.07.2021, принята к публикации 13.09.2021
Received 08.07.2021, revised 11.07.2021, accepted 13.09.2021